

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-2-120-134

САКРАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пашков С.М.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: s.p.n1980@mail.ru

Поступила в редакцию 04.02.2026

После доработки 10.02.2026

Принята к публикации 16.02.2026

Аннотация

Цель – анализ семантики и структуры религиозно-художественного текста в контексте категории сакральности.

Процедура и методы. Исследование базируется на положениях теорий доминанты, интертекстуальности и категориального моделирования текста с привлечением методов лингвистического, эмотивного, дефиниционного и контекстуального анализов.

Результаты. Установлены механизмы образования религиозно-художественного текста и предложен алгоритм анализа языкового материала. Проанализированы Имена Бога, конституирующие сакральное знание изучаемого текста. В качестве операциональной единицы анализа художественного знания рассматривается деталь как компонент художественного образа. Установлены узואльно-оказиональные семантические связи языковых средств, представляющих два типа знания и, соответственно, структурирующих текст.

Теоретическая значимость исследования видится в развитии положений текстообразования и текстотипологии. В частности, уточняются представления о механизме текстообразования на стыке различных типов знания и, соответственно, лингвистической основе гносеологически гетерогенных текстов. Предложено новое решение проблемы взаимодействия религиозных и лингвистических категорий в процессе порождения текста.

Ключевые слова: Библия, категория сакральности, текстообразование, интертекстуальность, религиозно-художественный текст, образность, художественная деталь

Для цитирования:

Пашков С.М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозно-художественной коммуникации // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 2. С.120–134. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-2-120-134>

Original research article

SACREDNESS AS A FACTOR OF TEXT FORMATION IN RELIGIOUS-LITERARY COMMUNICATION

S. Pashkov

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russian Federation
e-mail: s.p.n1980@mail.ru

Received by the editorial office 04.02.2026

Revised by the author 10.02.2026

Accepted for publication 16.02.2026

Abstract

Aim is to analyze the semantic and structural peculiarities of religious-literary texts in the context of the category of sacredness.

Methodology. The study is based on the theoretical data of dominant, intertextuality and categorial text modeling, with lingua-stylistic, emotive, definitional, and contextual analyses being employed.

Results. Described the mechanisms of religious-literary text formation and proposed the algorithm of language means analysis. Shown that the Names of God are linguistic representatives of sacred knowledge in the text under study. Imagery is viewed as a vehicle of poetic knowledge conceptualizing sacredness and the poetic detail is treated as instrumental in effecting linguistic analysis. Established usual / occasional semantic correlations of language means representing two types of knowledge and structuring the text.

Research implications. The results obtained develop the theories of text formation and text typology. Accentuated the mechanism of text formation at the intersection of two knowledge types and linguistic framework of gnoseologically heterogeneous texts. Proposed the new solution to the problem of religious and linguistic categories interaction in the process of text production.

Keywords: the Bible, category of sacredness, text formation, intertextuality, religious-literary text, imagery, poetic detail

For citation:

Pashkov, S. M. (2026). Sacredness as a factor of text formation in religious-literary communication. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (2), pp.120–134. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-2-120-134>

Введение

Приходится согласиться с тем, что сегодня у человека нет ни знания, ни понимания, посредством которых возможно обоснование всеобщей теории реальности (Т. Нагель¹), включая, разумеется, реальность сознания. Неудивительно, что в научной и философской литературе одноимённая лексема употребляется в различных сочетаниях: онтологическая реальность, эмпирическая реальность,

объективная реальность, действительная реальность, окружающая реальность. Причём крайне редко даётся пояснение, что автор имеет в виду, обращаясь к соответствующим понятиям. Например, объективная реальность часто противопоставляется субъективной реальности как вымышленной. Однако, как справедливо пишет В.П. Зинченко, ссылаясь на А.А. Ухтомского, «субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное» [1, с. 33]. Видимо, когда данная терминология используется, по негласному соглашению подразумева-

¹ Nagel Th. *Secular philosophy and the religious temperament. Essays 2002–2008*. New York: Oxford University Press, 2010. P. 26.

ется то, что онтологически предшествует познанию. Разумеется, данная интерпретация реальности не переводит соответствующее понятие в разряд очевидных.

Отмеченный интерпретативный характер реальности, а также когнитивно-дискурсивная направленность современных лингвистических исследований предопределяют актуальность проблемы знания. Так, на исходе первой четверти XXI века вопрос о том, «каковы же реальные источники знаний» [2, с. 93], остаётся открытым. Нет единого понимания относительно гносеологических потенций основных форм познания – религии, философии, искусства и науки. С одной стороны, признаётся вариативность «логически равноправных» систем знания [3, с. 432], с другой – науке приписывается эпистемологическая исключительность. Согласно последнему тезису, научное знание характеризуется высшим статусом благодаря своей обоснованности, доказательности и достоверности¹.

Положение о том, что знания «не равны, но равноценны» (В.С. Соловьев), несомненно, отражается на процессах текстообразования. Довольно часто семантико-структурная данность текста порождается через контаминацию различных типов знания; впоследствии эти тексты обозначаются композитной терминологией. Например, симбиоз искусства и философии изучается на материале философских поэм (Н.М. Азарова²) и поэтико-философских текстов (А.Л. Вольский [4]); интеграция художественного и научного способов познания исследуется в жанре фантастики (Д.А. Кожанов³)

и на материале научно-фантастического текста (Ю.В. Сергаева, И.А. Щирова⁴); соотнесённость религиозных и философских путей постижения реальности анализируется на материале религиозно-философских текстов (Н.В. Козловская⁵, Е.В. Сергеева⁶, С.Н. Стародубец⁷).

Отмеченная тенденция текстообразования, а также изучение новых гносеологически гетерогенных текстов представляют несомненную теоретическую значимость для современной лингвистики. Объясняется это тем, что современная эпоха характеризуется возрождением холистических взглядов на мир, а фрагментарность знания расценивается как нежелательное явление (В.И. Постовалова⁸).

Цель настоящего исследования заключается в описании семантики и структуры религиозно-художественных (поэтических) речевых произведений в контексте категории сакральности. Поставленная цель реализуется через рассмотрение сакральности в качестве текстовкатегориальной доминанты исследуемых текстов. В связи с этим, во-первых, необходимо определение категориального содержания сакральности. Во-вторых, посредством дефиниционного анализа осуществляется выявление системных значений языковых репрезентантов сакральности, а обращение к эмотивному и контексту-

¹ Юдин Б.Г. Эпистемологическая исключительность науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1158.

² Азарова Н.М. Конвергенция философского и поэтического текстов XX–XXI вв.: автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 2010. 44 с.

³ Кожанов Д.А. Дискурсивные взаимодействия в англоязычном тексте: когнитивный, семиотический и коммуникативный аспекты: автореф. дис. ... док. филол. наук. Барнаул, 2024. 47 с.

⁴ Щирова И.А., Сергаева Ю.В. Синкретизм как «измерение» научно-фантастического текста: опыт системного описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 2. С. 159–170. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.2.13.

⁵ Козловская Н.В. Философская терминология в сочинениях русских мыслителей второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... док. филол. наук. СПб., 2019. 37 с.

⁶ Сергеева Е.В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. М.: Директ-Медиа, 2013. 250 с.

⁷ Стародубец С.Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 2009. 39 с.

⁸ Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.

альному анализу обеспечивает установление их семантических трансформаций в тексте. В-третьих, предполагается определение языковых репрезентантов художественного знания (система художественных образов), в контексте которого осмысливается знание сакральное. В-четвёртых, устанавливаются семантические корреляции между языковыми средствами, репрезентирующими два типа знания и структурирующими текст. В-пятых, лингвистический анализ даёт возможность проследить интеграцию данных языковых средств в единую семантико-структурную данность и обнаружить их эстетическую активность.

1. Сакральность

как текстовая категория доминанта

В науке под сакральностью понимается универсальная категория религиозного сознания. Онтологически сакральное отличается от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически предполагает истинное знание, непостижимое в своей полноте; феноменологически – дивное, поразительное; аксиологически – абсолютное и почитаемое¹.

Проекция сакральности в область текста позволяет видеть в ней особый тип знания – сакральное знание. Последнее квалифицируется как трёхкомпонентная семантическая структура, инкорпорирующая семантику сакральной ономотологии, сакральной императивности и сакральной эсхатологии [5, с. 393]². Генезис сакральности обязательно предполагает различные когнитивные функции человека, как то: рациональные, эмоциональные, интуитивные, волевые и пр. (К. Тиле³,

Ф. М. Мюллер⁴, Й. Вах⁵). Столь обширная когнитивная основа сакральности объясняет продуктивность её позитивного / негативного осмысления в религии, искусстве, философии и науке.

Семантические, структурные и функциональные аспекты текста могут предопределяться той или иной актуализируемой категорией, которая становится текстовой категорией доминантой [5]. Это понятие позволяет эксплицировать иерархические отношения между текстовыми категориями, реализуемыми в определённом типе текста и, думается, точнее отражает онтологию текста, чем понятие текстообразующей категории. Действительно, актуализация любой категории запускает процесс текстообразования и, следовательно, *все* категории участвуют в «текстостроительстве».

Сегодня имеется ряд исследований, посвящённых тем или иным доминантам. Так, в регулятивных текстах в качестве текстовой доминанты видится регулятивность, моделирующая поведение адресата посредством навязывания ему определённой нормы поведения (И. Б. Руберт⁶). В психологических текстах доминантой рассматривается психологизм, реализуемый равноуровневыми языковыми средствами и функционально направленный на имитацию когнитивной самостоятельности персонажа (И. А. Щирова [6]). В основе формирования апеллятивных текстов лежит апеллативность, осуществляющая побуждение адресата к определённым видам речевых / неречевых действий (Е. В. Комлева⁷).

⁴ Müller F. M. The Science of Language. Vol. II. London: Longman, Green, and Co., 1871. 668 p.

⁵ Wach J. Types of religious experience. Christian and non-Christian. USA: University of Chicago Press, 1965. 275 p.

⁶ Руберт И. Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов: структурные, семантические, прагматические аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1996. 42 с.

⁷ Комлева Е. В. Функционально-семантическая категория апеллативности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2014. 440 с.

¹ Забияко А. П. Святое // Религиоведение: словарь / под ред. Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект, 2007. С. 450.

² Настоящее исследование сосредоточено на сакральности, репрезентируемой в библейском тексте.

³ Тиле К. Основные принципы науки о религии // Классики мирового религиоведения: антология. М.: КАНОН+, 1996. С. 144–196.

В религиозных речевых произведениях статус доминанты сообщается сакральности. В зависимости от гносеологической контекстуализации сакральности религиозные тексты могут быть классифицированы на собственно религиозные, религиозно-философские, религиозно-научные и религиозно-художественные.

2. Религиозно-художественный текст

Прежде чем рассматривать языковые особенности образования религиозно-художественного текста (далее РХТ), необходимо остановиться на некоторых специфических параметрах художественного текста как такового.

Несмотря на длительную традицию изучения данного текста, нерешённых вопросов остаётся достаточно много, и внимание лингвистов сегодня обращено к различным аспектам художественной коммуникации. Так, продолжают исследования категорий автора и персонажа [7], эмотивности [8]; предлагается иное видение текстуальности названного текста [9]. Не менее актуальны и вопросы интерпретации художественных смыслов [10; 11]. Перечисленные ракурсы исследования художественного текста отражают одну из важнейших парадигмальных особенностей современной лингвистики – антропоцентризм. Онтологическое (человек как «центр вселенной»), эпистемологическое («человекомерное» видение научных объектов), методологическое (получение знания с учётом человеческого фактора) и телеологическое («развитие человеческой личности и её усовершенствование») измерения антропоцентризма были в своё время обозначены Е. С. Кубряковой¹.

В качестве сущностной характеристики художественного текста признаётся абсолютный антропоцентризм. В отли-

чие от антропоцентризма в его парадигмальном освещении, антропоцентризм художественного текста видится в том, что все языковые и текстовые элементы функционально направлены на разноаспектное изображение человека. Весьма существенно, что в процессе художественного познания автор предлагает читателю своё, индивидуально-авторское видение реальности. В связи с этим художественный текст не предлагает абсолютных решений на «последние вопросы» (выражение М. М. Бахтин), или вопросы экзистенциальной важности.

Художественный текст интерпретируется в качестве вторичной моделирующей системы, т. е. системы, основанной на естественном языке. В дальнейшем эта система усложняется идеологическими, этическими, художественными (образными) и другими нюансами [12, с. 21, 33, 47]. Образное начало искусства программирует образный характер моделируемой в тексте реальности. Например, художественный текст может рассматриваться как модель определённых форм сознания, в том числе сознания религиозного.

Логично предположить, что приведённые особенности художественного осмысления реальности (абсолютный антропоцентризм, индивидуально-авторское восприятие действительности, образная первооснова) должны так или иначе модифицироваться в процессе религиозно-художественного освоения реальности. В противном случае термин «религиозно-художественный текст» не закрепляет нового акта познания.

Исследования, посвящённые лингвистическим особенностям текстообразования на стыке искусства и религии, в количественном отношении достаточно незначительны. Так, предметом исследования становилась поэтизация богословия (Н. О. Гучинская²), изучена роль англоязычной Библии на становление стиля

¹ Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века* / под ред. Ю. С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.

² Гучинская Н. О. *Hermeneutica in nuce. Очерк филологической герменевтики*. СПб.: «Церковь и культура», 2002. 128 с.

метафизической поэзии (Л. В. Егорова¹), рассмотрен библейский текст в поэтическом метатексте русской литературы (О. А. Пороль²). Перечисленные ракурсы изучения фокусируются на герменевтических и литературоведческих проблемах.

В настоящей работе РХТ изучается с позиции интертекстуальности и акцентируется его лингвистическая основа. Данный текст понимается как интертекст и форма позитивно-художественной концептуализации сакральности. Исходя из этой дефиниции интертекстуальность рассматривается в качестве общего механизма образования анализируемого текста. В последнем сакральность заявлена в виде интекстов, соотносимых с тремя её категориальными сегментами (ономатологические, императивные, эсхатологические). Соответственно, РХТ представляет собой гносеологически гетерогенное образование: художественное знание (образная система и языковые средства её репрезентации) порождается в процессе концептуализации знания сакрального. В связи с тем, что сакральность является текстовкатегориальной доминантой РХТ, данный текст предполагает значительные отличия от собственно художественного текста.

Во-первых, РХТ теоцентричен, поскольку универсальные категории «человек», «пространство», «время», репрезентируемые в нём, осмысляются не сами по себе, а в их соотносённости с Богом. Дело в том, что для религиозного сознания мир является *логосом*; одним из значений данного термина рассматривается замысел, в соответствии с которым Бог создал мир и человека³. Уместно привести

мысль А. А. Ухтомского о том, что важен не «массив реальности» в её бесконечном разнообразии, а то «слово, которое ею высказывается» [3, с. 323] (курсив А. А. Ухтомского). Именно это слово, или логос (в том числе и Логос, Слово) находится в центре внимания в религиозно-художественной коммуникации.

Во-вторых, осознавая свою сакральную обусловленность, религиозно-художественное познание не предполагает концептуальных, аксиологических, эмоциональных и пр. противопоставлений с сакральным текстом той или иной религиозной традиции. В противном случае типологически текст остаётся художественным, реализующим религиозно-критические интенции автора. Например, в текстах пародий на библейские темы обнаруживается значительная «содержательная самостоятельность» (Е. Б. Яковенко⁴) по отношению к сакральному тексту. В связи с этим положением авторское восприятие сакрального знания, репрезентируемого в РХТ, соответствует рецепции этого знания библейскими авторами. Последний тезис находит своё подтверждение в системе авторских оценок сакрального знания, которые репрезентируются языковыми средствами соответствующей семантики (эмотивная, аксиологическая, модальная).

В-третьих, аналогичность рецепции сакрального знания библейскими и небиблейскими авторами не предполагает полного отсутствия индивидуально-авторской позиции последних в РХТ. Дихотомия «аналогичность – уникальность» применительно к поэтическому РХТ разрешается в контексте понимания данного текста как знака. Художественный текст, пишет Ю. М. Лотман, может рассматриваться в качестве единого знака.

¹ Егорова Л. В. Английская Библия и становление стиля метафизической поэзии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2009. 36 с.

² Пороль О. А. Библейский дискурс и онтологическое пространство в русской поэзии первой трети XX века (генезис, типология): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 42 с.

³ Ср.: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18: 2) (Синодальный перевод).

⁴ Яковенко Е. Б. Библейские пародии как особая разновидность текстов // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том XVII / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Российский союз германистов. М.: ООО «Флинта», 2020. С. 285–302.

Знак реализует свою функциональность при условии своей повторяемости. Если для конвенционального (условного) знака повторяемость реализуется через повтор знака самого себя, то для иконического знака – через повтор заменяемого им объекта [12, с. 33, 65–66]. Поэтический РХТ формирует значимый сегмент религиозного текстового континуума и функционирует как иконический знак, дублирующий сакральное знание в положительной эмоционально-оценочной перспективе. Вслед за А.Л. Вольским религиозно-художественное речевое произведение можно назвать «вторичной сакрализацией текста», т.е. «создание вторичной символической системы, подражающей символике первичного сакрального текста ...» [4, с. 106]. Уникальность же РХТ как проявление индивидуально-авторского восприятия сакрального знания обнаруживается в образной системе данного текста, которая, очевидно, не может быть тождественной тексту сакральному. Согласие с сакральным знанием репрезентируется индивидуально-авторской системой образов. М.М. Бахтин отмечает, что согласие является важнейшим видом диалогических отношений и может принимать разнообразные формы [13, с. 321]. Действительно, если в богослужебном тексте сакральное знание благоговейно принимается без каких-либо интерпретационных решений, то в РХТ это знание интерпретируется посредством художественного образа, реализуемого языковыми единицами с положительной узуальной / окказиональной эмоционально-оценочной направленностью.

Итак, как интертекст и форма позитивно-художественной концептуализации сакральности РХТ теоцентричен, в содержательно-концептуальном плане обнаруживает сходство с библейским текстом, а в образно-ассоциативном ракурсе транслирует индивидуально-авторские познавательные потенции.

3. Методология исследования

Изучение сакральности как фактора порождения РХТ в настоящей работе соотносится с теми лингвистическими исследованиями, в которых общим механизмом текстообразования рассматривается интертекстуальность (С.В. ИONOVA¹, Н.В. Петрова², В.Е. Чернявская³). Это положение объясняет гносеологическую гетерогенность исследуемого текста (сакральное знание vs. художественное знание) и предопределяет двухэтапный алгоритм анализа его семантических и структурных характеристик. На первом этапе осуществляется анализ сакральных интекстов: а) идентификация вида репрезентируемого сакрального знания (ономатология, императивность, эсхатология); б) способы включения сакральных интекстов (цитация, парафраза); в) структурные особенности сакральных интекстов (слово, словосочетание, текст).

Второй этап предлагаемого алгоритма сопряжён с анализом художественного знания. При этом данное знание понимается как система художественных образов, в контексте которых осмысляются сегменты сакрального знания. Соответственно, художественный образ реализуется посредством языковых средств, семантически (узуально / окказионально) соотносимых с языковыми средствами, репрезентирующими сакральное знание. Поскольку художественный образ является неотъемлемым компонентом РХТ, организует его семантические и структурные особенности, образность рассматривается в качестве частного механизма религиозно-художественного текстообразования. Операциональной еди-

¹ ИONOVA С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2006. 37 с.

² Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): автореф. дис.... докт. филол. наук. Волгоград, 2005. 31 с.

³ Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка): дис.... докт. филол. наук. СПб., 2000. 448 с.

ницей анализа художественного знания рассматривается художественная деталь как компонент целостного образа. Материализация детали в тексте индуцирует у читателя эмоциональное переживание к тому, о чём повествуется в тексте [6, с. 13].

Таким образом, осмысление сакрального знания посредством художественных образов воссоздаёт в РХТ модель двусторонней реальности¹: *художественное изображение посяеторонней реальности функционально направлено на познание реальности потусторонней*.

Проиллюстрируем вышесказанное на материале англоязычных поэтических РХТ. Выбор поэтического текста продиктован тем, что, во-первых, малая литературная форма характеризуется более высокой интенсивностью эстетической активности художественной детали. А во-вторых, поэзия является наиболее востребованной формой для объективации содержания религиозного сознания у художников слова. Поскольку в рамках статьи невозможно остановиться на всех трёх сегментах сакральности, остановимся лишь на важнейшем – сакральной ономотологии. Ниже предлагается лингвистический анализ художественной концептуализации четырёх сакральных Имён: *Providence, Love, Saviour* и *Trinity*. Разумеется, в одном РХТ могут репрезентироваться несколько сакральных Имён, однако в процессе анализа акцент будет делаться на доминирующем Имени.

Выбор иллюстративного материала определяется лингвистической направленностью настоящего исследования. Авторы анализируемых текстов принадлежат разным эпохам и регионам, а также являются представителями различных художественных направлений. Эти экстралингвистические и литературоведческие факторы, разумеется, сообщают

их текстам определённое своеобразие, которое может составить предмет другого исследования. Однако объединяющей основой данных текстов является сакральность как текстовкатегориальная доминанта. Трудно не согласиться с Е. В. Падучевой, что литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более «примитивный», но в то же время и более основательный лингвистический².

4. Сакральная ономотология в РХТ

4.1. Сакральное Имя *Providence*

Сакральная ономотология как категориальный сегмент сакральности формируется совокупностью сакральных Имён, или Имён Бога. Эти Имена суть наименования различных взаимоотношений трансцендентного Бога с тварным миром (ср. *Creator, Love, Almighty, Jesus, Savior* и др.).

Сакральные Имена не раз привлекали внимание исследователей [14–17], однако актуальность их лингвистического изучения сохраняется. В одной из последних работ когнитивной направленности отмечается кореферентность данных Имён, а также их пропозициональная семантика [18].

Рассмотрим РХТ “*TO GOD*” английского поэта XVII века Р. Геррика (R. Herrick).

(1) “*Lord, I am like to mistletoe. / Which has no root, and cannot grow / Or prosper, but by that same tree / It clings about: so I by thee. / What need I then to fear at all / So long as I about thee crawl? / But if that tree should fall and die, / Tumble shall heaven, and down will I*”³.

В приведённом тексте сакрально-ономотологическое знание репрезентировано двумя лексемами: в сильных позициях

¹ Выражение «двусторонняя реальность» используется в работе: Гриненко Г. В. Логико-семиотический анализ сакральных текстов и сакральной коммуникации: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Москва, 2000. 37 с.

² Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 198.

³ A Library of Religious Poetry / ed. by Philip Schaff & Arthur Gilman. New York: Funk & Wagnalls, 1885. P. 480 (далее – A Library of Religious Poetry).

заглавия и начала текста (*God, Lord*). Эти Имена засвидетельствованы в англоязычном тексте Библии (King James Bible) и рассматриваются в качестве цитат на уровне слова. Денотативная семантика Имени *God* сигнализирует о творческом взаимодействии Бога с тварным миром, а та же семантика Имени *Lord* указывает на самодостаточное личное бытие (подробнее: [18, с. 35, 38]).

Согласно библейскому тексту, Бог не только создал материальный мир, т.е. является его Творцом, но и печётся о нем. В связи с этим одним из сакральных Имён является также Имя *Промыслитель*. В Библии короля Якова попечение Бога о мире репрезентируется лишь посредством аргументно-предикатных структур, реализующих развёрнутую пропозицию. Ср.: 'he giveth to all life, and breath, and all things' (Acts 17: 25). В последствии это знание о Боге лексикализуется и становится элементом парадигматических отношений в языке. Так, лексема *Providence* характеризуется пропозициональной семантикой и дефинируется следующим образом: 1) 'The care, guardianship, and control exercised by a deity; *divine direction*'; 2) 'God'¹ (курсив наш).

В анализируемом тексте Бог как Промыслитель изображается посредством системы художественных образов, объединяемых образом дерева (*tree*). Нейтральная в узусе эта лексема характеризуется окказиональной положительной эмоционально-оценочной направленностью в тексте: человек живёт благодаря попечению Бога. Развитие этого образа представлено концептуально значимыми акциональными деталями *fall* и *die*: смерть дерева (отказ человека от Бога) влечёт за собой неизбежную гибель человека. Последний осмысливается через образ омелы – *mistletoe*. В словаре эта лексиче-

ская единица (ЛЕ) определяется следующим образом: 'A Eurasian parasitic shrub'². Дефиниционный компонент 'parasitic', репрезентирующий несамостоятельность омелы, получает в тексте метафорическое прочтение: экзистенциальная зависимость человека от Бога. Развитие этого образа осуществляется посредством портретной и акциональных деталей, реализуемых лексемами *root, grow, prosper, clings, crawl*. В системе языка перечисленные единицы могут номинировать, в частности, «деятельность» растения, однако, интегрируемые текстом, они также получают метафорическое прочтение и функционально направлены на изображение самодостаточности Бога, от Которого зависит весь тварный мир.

Местоимения *thee* и *I* способствуют художественному расширению образов *tree* и *mistletoe* соответственно. Во-первых, согласно авторской интенции, местоимение *thee* эксплицирует персональность Бога: мир организуется Личностью, а не слепыми, лишёнными какой-либо телеологической составляющей эволюционными процессами (силами). Во-вторых, как пишет И. В. Арнольд, местоимения в поэтическом тексте приобретают ярко выраженную обобщающую функцию [19, с. 333]. Весь мир (живая / неживая материя) является омелой, произрастающей благодаря Дереву.

4.2. Сакральное Имя Love

Новозаветный текст повествует о новом Имени Бога – *Любовь*. В любви, напоминает С. С. Аверинцев, христианство усматривает сущность Бога. Однако эта любовь – не чувственный «эрос», не дружба по выбору («филия»), не патриотическая солидарность граждан. Речь идёт о жертвенной, безмотивной любви к ближнему («агапэ») [20, с. 282].

Обратимся к PXT "GOD IS LOVE" английского поэта XIX века У.К. Беннетта (William Cox Bennett).

¹ См.: The American Heritage Dictionary of the English Language, 3rd edition. USA: Houghton Mifflin Harcourt, 1992. P. 5831 (далее – The American Heritage Dictionary of the English Language)

² The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 4658.

(2) “Methought I saw a prattling child / That on beside its father walked, / And awe was on its lifted face, / And of a loving God they talked. / And ‘God will love me?’ said the child; / And then the father’s voice I heard, / ‘On yon blue heavens his promise read, / In yon sweet flower behold his word’”¹.

Сакральное Имя *Love* вынесено в сильную позицию заглавия; самое же заглавие представляет собой цитату-текст (1 John 4: 16). В анализируемом тексте, повествующем о Боге как Любви, лексема *love* актуализирует следующий лексико-семантический вариант: ‘Love. *Christian Science*. God’². Кроме Имени *Love* в тексте репрезентируется также Имя *God*, определяемое причастием *loving*. Эта номинация (*loving God*) реализует два важных сакральных смысла: библейский Бог – Творец, любящий Своё творение.

Сакральное знание о трансцендентной реальности как Любви осмысляется посредством образной системы текста. Лексемы с локальной семантикой *heavens*, *flower*, *beside* и *yon* формируют пространственные детали, моделирующие глобальный образ пространства в тексте и «овнешняющие» (выражение М. М. Бахтина) Любовь. Эта интерпретация подтверждается включением в описание пространства эпитета *sweet*, который актуализирует лексико-семантический вариант ‘Pleasing to the mind or feelings; gratifying’³. Его узуальная положительная семантика иррадирует на всю пространственную семантику текста: пространство уподобляется книге, которая сообщает о Любви (*promise read, behold his word*). Важно отметить, что образ пространства функционально направлен на изображение Бога, Его деятельной любви к творению.

Ключевым компонентом образа человека является эмоциональная деталь (*awe was on its lifted face*). Благодаря эмотиву

awe человек изображается не сам по себе, но как homo religiosus, в его отношении к Богу, иными словами, как творение, способное переживать трансцендентное. Согласно библейскому тексту, сотворение человека было отмечено особым образом и свидетельствует о любви Бога к человеку. Лексема *awe* актуализирует в тексте примарное словарное значение: ‘an emotion variously combining dread, veneration, and wonder that is inspired by authority or by the sacred or sublime’⁴ (курсив – наш). Эмоции, репрезентируемые эмотивом *awe*, характеризуются нуминозностью и частично соответствуют русскому понятию благоговения. Это чувство, по мысли М. М. Бахтина, коренится в «таинственной области, уходящей в последние глубинные первоосновы человеческой жизни»⁵. Эта первооснова в человеке и есть тот образ и подобие, которые ему сообщаются в акте творения и которые приводят его в трепет, экстаз и пр.

4.3. Сакральное имя *Saviour*

Сакральное Имя *Спаситель* раскрывается в своей полноте в Новом Завете и осмыляется в поэтическом тексте “ROBIN REDBREAST” Дж. У. Доана (G. W. Doane).

(3) “Sweet Robin, I have heard them say / That thou wert there upon the day / That Christ was crowned in cruel scorn, / And bore away one bleeding thorn; / That so the blush upon thy breast / In shameful sorrow was imprest, / And thence thy genial sympathy / With our redeemed humanity. // Sweet Robin, would that I might be / Bathed in my Saviour’s blood, like thee; / Bear in my breast, whate’er the loss, / The bleeding blazon of the cross; / Live ever, with thy loving mind, / In fellowship

¹ A Library of Religious Poetry. P. 483.

² The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 4287.

³ The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 7207.

⁴ Merriam-Webster’s Dictionary and Thesaurus. USA: Springfield, Mass.: Merriam-Webster. 2007. P. 53.

⁵ Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. С. 376.

*with human kind; / And take my pattern still from thee, / In gentleness and constancy*¹.

Сакральное знание в данном тексте репрезентируется посредством кореферентных Имен *Saviour* и *Christ*. Оба Имени актуализируют в тексте идентичный лексико-семантический вариант: 'Jesus'². Это Имя (*Jesus*) является греческой формой еврейского слова *Jeshua* (*Jehoshua*) и обозначает «Спасение от Бога», «Бог Спаситель» [16, p. 5].

Сакральное знание о спасении человека через смерть Иисуса Христа, значимость этого события для человечества осмысляются автором посредством художественного образа персонифицированной птицы (*Robin redbreast*). Темпоральная (*thou wert there upon the day*), акциональная (*bore away one bleeding thorn*), портретная (*the blush upon thy breast*) и эмоциональная (*thy genial sympathy*) детали этого образа воссоздают поведение птицы, которому, согласно интенции автора, должен следовать спасённый Богом человек.

Предложенная интерпретация подтверждается языковыми средствами, формирующими детали образа человека во второй строфе. Во-первых, Бог свидетельствует о Своей деятельной любви и ждёт от человека взаимности. Эмоциональная деталь *Bear in my breast ... The bleeding blazon of the cross* сигнализирует о необходимости постоянного воспоминания крестных мук, которые *Спаситель* претерпел на кресте. Лексема *cross* в составе детали актуализирует в тексте значение 'The upright post with a transverse piece upon which Jesus was crucified'³. Во-вторых, лексемы *loving* (*mind*), *fellowship*, *gentleness*, *constancy* в составе других эмоциональных деталей реализуют свою узуальную положительную оценочность:

Спаситель призывает человека любить ближнего.

Таким образом, в данном РХТ изображается сотериологическая деятельность Иисуса Христа, которая, согласно основополагающей интенции автора, должна регулировать поведение человека по отношению к Богу и ближнему.

4.4. Сакральное Имя *Trinity*

Имя *Trinity* указывает на то, что Бог един в Своей сущности, но Его бытие – личностное отношение трёх Ипостасей: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого. Как и сакральное Имя *Providence*, в тексте Библии Имя *Trinity* репрезентировано лишь аргументно-предикатными структурами, реализующими развёрнутые пропозиции. Ср: "For there are three that bear record in heaven, the Father, the Word, and the Holy Ghost: and these three are one" (1 John 5: 7). Лексикализация сакрального знания о триединой онтологии христианского Бога регистрируется в словаре следующим образом: 'the unity of Father, Son, and Holy Spirit as three persons in one Godhead'⁴.

Рассмотрим РХТ "THRICE HOLY" шотландского поэта XIX века Дж. Монтгомери (J. Montgomery), в котором Имя *Trinity* получает художественное осмысление.

(4) "Holy, holy, holy Lord / God of Hosts! When heaven and earth, / Out of darkness, at thy word / Issued into glorious birth. / All thy works before thee stood, / And thine eye beheld them good, / While they sang with sweet accord, // Holy, holy, holy Lord! / Holy, holy, holy! Thee, / One Jehovah evermore. / Father, Son, and Spirit, we, / Dust and ashes, would adore; / Lightly by the world esteemed, / From that world by thee redeemed, / Sing we here, with glad accord, / Holy, holy, holy Lord! // Holy, holy, holy! All / Heaven's triumphant choir shall sing, / When the ransomed nations fall / At the footstool of their King: / Then shall saints and seraphim, / Hearts and voices,

¹ A Library of Religious Poetry. P. 57.

² The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 1416, 6406.

³ The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 1832.

⁴ Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus. USA: Springfield, Mass.: Merriam-Webster. 2007. P. 850.

*swell one hymn, / Round the throne with full accord, / Holy, holy, holy Lord!*¹.

В приведённом тексте сакральное знание о Боге репрезентируется лексемами *Holy, Lord, Jehovah, Father, Son, Spirit, King* и словосочетанием *God of Hosts*. Все эти языковые единицы являются цитатами из англоязычного текста Библии, а их сакральная семантика регистрируется в словаре².

Trinity как центральное Имя текста репрезентируется аргументно-предикатными структурами. Так, единственность Бога представлена предложениями *All thy works before thee stood, And thine eye beheld them good*. Местоимения второго лица единственного числа *thy* и *thine* имеют референцию к Богу, а не к богам. Аналогичная референциальная отнесённость характерна и для местоимения единственного числа *thee*. В то же время сакральные Имена *Father, Son* и *Spirit* в предложении *Father, Son, and Spirit, we ... would adore* не являются кореферентными и репрезентируют ипостасные различия в онтологии единого Бога. Кроме того, триипостасность Бога реализуется рефреном *Holy, holy, holy Lord*, занимающим сильные позиции начала и конца текста и представляющим собой неполную цитату из Библии короля Якова. Троекратное повторение лексемы *Holy*, выступающей в качестве атрибута при Имени *Lord*, имплицитно идентичное качество (святость) разных референтов (Отца, Сына и Святого Духа), при этом единственное число Имени *Lord* эксплицитно единственность Бога.

Сакральное Имя *Trinity* осмысливается посредством образа пространства, который формируется деталями, реализуемыми лексемами с пространственной семантикой *heaven, earth* и *world*. Нейтральные в узусе им сообщается в тексте положительная эмоционально-оценочная направленность благодаря узуаль-

ной положительной семантики лексем *glorious, sweet* и *good*. Мир изображается как благословенное творение любящего Бога³. Важный концептуальный смысл реализуется лексемой *word*. Согласно библейскому тексту, мир творится *Словом*, Которое соотносится со второй Ипостасью *Троицы* (*Son*). Соответственно, лексемы *word* и *Son* в анализируемом тексте кореферентны. Эта интерпретация поддерживается также актуализируемым в тексте вторичным значением лексемы *word*, которое в словаре определяется через лексическую единицу *Logos*: ‘... the creative word of God, which is itself God and incarnate in Jesus’⁴.

Триипостасность Бога получает также художественное осмысление через образ человека. В частности, портретная деталь *Dust and ashes* является цитатой из Ветхого Завета, Именно так характеризует себя пророк Авраам в диалоге с Богом (Genesis, 18: 27). В настоящем контексте лексемы *Dust* и *ashes* актуализируют два лексико-семантических варианта:

- *dust*: 1) ‘fine particles of *matter* (as of earth)’; 2) ‘a state of *humiliation*’;
- *ash* (es): 1) ‘ash (es): «the solid residue left when combustible *material* is thoroughly burned or is oxidized by chemical means’; 2) ‘something that symbolizes grief, *repentance*, or *humiliation*’⁵.

С одной стороны, человек изображается как тварное материальное существо (семы ‘*matter*’, ‘*material*’), противопоставляемое нетварному Богу. С другой стороны, человек изображён как униженный и грешный (семы ‘*humiliation*’, ‘*repentance*’) перед праведным Богом. Лексема *holy* (18 словоупотреблений) актуализирует в тексте своё примарное значение: ‘exalted or worthy of complete

¹ A Library of Religious Poetry. P. 470.

² The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 2680, 3132, 3485, 3883, 3994, 4276, 6837, 6914.

³ Ср. у А. С. Пушкина: «Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал».

⁴ The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 4260.

⁵ Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 05.01.2026).

devotion as one perfect in goodness and righteousness' [Там же] (курсив – наш). Сема 'righteousness' находится в антонимичных отношениях с семой 'repentance'. Поскольку Бог праведен и нематериален во всех Своих Ипостасях, художественная деталь *Dust and ashes* акцентирует Его единственность.

Иная интерпретация образа Бога правомерна, если обратиться к деталям, реализуемым лексемами *redeemed* и *ransomed*. В тексте актуализируются следующие лексико-семантические варианты:

– *ransom (ed)*: 'To deliver from sin and its consequences';

– *redeem (ed)*: 'To save from a state of sinfulness and its consequences'¹.

Человек изображается как существо, искуплённое Иисусом Христом. Последний является *Богочеловеком*, в Котором вочеловечивается вторая Ипостась (*Son*). Иными словами, в отличие от детали *Dust and ashes* образные компоненты *redeemed* и *ransomed* акцентируют триипостасную онтологию Бога.

Заключение

Сакральность как фундаментальная категория религиозного сознания была спроецирована на семантико-структурную данность религиозно-художественного текста и интерпретировалась в качестве его текстовкатегориальной доминанты. Были описаны общий (ин-

тертекстуальность) и частный (художественный образ) механизмы образования религиозно-художественного текста. Соответственно, данный текст был определён как интертекст и форма позитивно-художественной концептуализации сакральности. Показано, что религиозно-художественный текст характеризуется гносеологической гетерогенностью (сакральное знание vs. художественное знание), детерминирующей алгоритм анализа семантики и структуры данного текста. Предложен анализ языковых репрезентантов сакральной ономотологии (*Providence, Love, Saviour, Trinity*) как важнейшего категориального сегмента сакральности. Подчёркивалось, что концептуализация сотериологической и провиденциальной деятельности любящего Бога-Троицы генерирует в религиозно-художественном тексте художественное знание, реализуемое совокупностью художественных образов. Данные образы рассмотрены как комплексные образования, формируемые художественными деталями (акциональные, эмоциональные, пространственные). Установлено, что языковые средства, реализующие деталь в анализируемом тексте, семантически (узуально / окказионально) коррелируют с репрезентантами сакрального знания. Эти семантические корреляции были интерпретированы в качестве языковых элементов, структурирующих религиозно-художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 588 с.
2. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Фирма Знак, 2012. 203 с. (Серия: Разумное поведение и язык).
3. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2020. 512 с.
4. Вольский А. Л. Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики: дис. ... док. филол. наук. СПб., 2008. 419 с.
5. Пашков С. М. Доминантный принцип и проблема категориального моделирования текста // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2–2 (63). С. 390–394.
6. Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 120 с.

¹ The American Heritage Dictionary of the English Language. P. 5979, 6039.

7. Гончарова Е. А. Синергия разных видов речи в структуре художественного прозаического текста // Художественный текст: формулы смысла: коллективная монография. М.: Флинта, 2022. С. 15–37.
8. ИONOBA C. B. ЭMOциOнальная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 13–27. DOI: 10.15688/jvolsu².2023.1.2.
9. Сергеева Е. В. Категории художественного текста как коммуникативно-эстетического феномена // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025. № 216. С. 208–220. DOI: 10.33910/1992-6464-2025-216-208-220.
10. Понять другого: проблемы интерпретации текста в современной науке: коллективная монография / под ред. И. А. Щиrowой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. 231 с.
11. Franzén N. Implicating fictional truth // Philosophical Studies. 2024. Vol. 181. No. 1. P. 299–317. DOI: 10.1007/s11098-023-02087-2.
12. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. 704 с.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества; 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 442 с.
14. Jukes A. The Names of God in Holy Scripture: A Revelation of His Nature and Relationships: Notes of a Course of Lectures. London: Longmans, Green, and Co., 1889. 226 p.
15. Parke-Taylor G. H. Yahweh: The Divine Name in the Bible. Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 1975. 133 p.
16. Taylor V. The Names of Jesus. New York: St. Martin's Press INC, 1953. 179 p.
17. Вежбицкая А. Обращение к богу в европейских языках: различные значения, различные культурные установки (Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes) // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. С. 259–293. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293.
18. Пашков С. М. Пропозициональное развёртывание сакрального Имени как механизм текстообразования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 2. С. 31–41. DOI: 10.20916/1812-3228-2025-2-31-41.
19. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность; 2-е изд. М.: Книжный дом, «ЛИБРОКОМ», 2010. 448 с. (Серия: Лингвистическое наследие XX века).
20. Аверинцев С. С. Собрание сочинений. София-Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. Київ: Дух і ліра, 2006. 902 с.

REFERENCES

1. Zinchenko, V. P. (2010). *Consciousness and creative act*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur publ. (in Russ.).
2. Kubryakova, E. S. (2012). *In search of the essence of language: Cognitive research*. Moscow: Firma Znak publ. (Series: Reasonable Behavior and Language) (in Russ.).
3. Ukhtomsky, A. A. (2020). *Dominant*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).
4. Volsky, A. L. (2008). *Poetic and Philosophical Text as an Object of Philological Hermeneutics* [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
5. Pashkov, S. M. (2025). Dominant principle and the problem of categorial text modeling. In: *Cognitive Studies of Language*, 2–2 (63), 390–394 (in Russ.).
6. Shchirova, I. A. (2003). *Psychological Text: Detail and Image*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
7. Goncharova, E. A. (2022). Synergy of different types of speech in the structure of a fictional prose text. In: *Fictional text: formulas of meaning*. Moscow: Flinta publ., pp. 15–37 (in Russ.).
8. Ionova, S. V. (2023). Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (1), 13–27. DOI: 10.15688/jvolsu².2023.1.2 (in Russ.).
9. Sergeeva, E. V. (2025). Categories of literary text as a communicative and aesthetic phenomenon. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 216, 208–220. DOI: 10.33910/1992-6464-2025-216-208-220 (in Russ.).
10. Shchirova, I. A. (ed.) (2023). *Understanding Another: Problems of Text Interpretation in Modern Science*. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University publ. (in Russ.).

11. Franzén, N. (2024). Implicating fictional truth. In: *Philosophical Studies*, 181 (1), 299–317. DOI: 10.1007/s11098-023-02087-2.
12. Lotman, Yu. M. (1998). *On Art*. St. Petersburg: "Iskusstvo-SPB" publ. (in Russ.).
13. Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskusstvo publ. (in Russ.).
14. Jukes, A. (1889). *The Names of God in Holy Scripture: A Revelation of His Nature and Relationships: Notes of a Course of Lectures*. London: Longmans, Green, and Co.
15. Parke-Taylor, G. H. (1975). *Yahweh: The Divine Name in the Bible*. Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press.
16. Taylor, V. (1953). *The Names of Jesus*. New York: St. Martin's Press INC (in Russ.).
17. Wierzbicka, A. (2020). Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes. In: *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2), 259–293. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293.
18. Pashkov, S. M. (2025). propositional unfolding of sacred name as a cognitive mechanism of text formation. In: *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 31–41. DOI: 10.20916/1812-3228-2025-2-31-41 (in Russ.).
19. Arnold, I. V. (2010). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow: "LIBROKOM" publ. (Series: Linguistic Heritage of the 20th Century) (in Russ.).
20. Averintsev, S. S. (2006). *Collected Works. Sophia-Logos. Dictionary*. Kyiv: "Duh i lira" publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашков Сергей Михайлович (г. Санкт-Петербург) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
<https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>; e-mail: s. p. n1980@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey M. Pashkov (St. Petersburg) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English philology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia;
<https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>; e-mail: s. p. n1980@mail.ru